

КАТЕГОРИЯ РОДА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Султонова Зулхумор Сабатуллаевна

Преподаватель кафедры русского языка и литературы

Самаркандского государственного педагогического института;

Валижонова Рухиона Вахобжон кизи

студентка 1 курса факультета языков

Самаркандского государственного педагогического института.

АННОТАЦИЯ. В настоящей статье рассматривается категория рода в русском языке как сложный феномен, сочетающий в себе формально-грамматические, семантические и когнитивные аспекты. На основе анализа теоретических концепций отечественного языкознания (включая переосмысление идей В. В. Виноградова, А. А. Потебни и А. М. Пешковского) и сопоставления с данными других языков (немецкого, английского, татарского) автор демонстрирует, что род в русском языке представляет собой не просто реликтовую классификацию, а живую систему, реагирующую на экстралингвистические факторы, такие как тенденции к экономии речевых усилий и социокультурные изменения (гендерная симметрия). Особое внимание уделяется зонам нестабильности: колебаниям в определении рода у заимствованной и аббревиированной лексики, а также трансформации категории под влиянием языковой игры и метафоризации. Делается вывод о том, что родовая маркированность выполняет не только номинативную и синтаксическую, но и текстообразующую функцию, участвуя в создании художественного образа.

АННОТАЦИЯ. Ушбу мақолада рус тилидаги род категорияси формал-грамматик, семантик ва когнитив жиҳатларни ўзида мужассамлаштирган мураккаб ходиса сифатида кўриб чиқилади. Миллий тилшуносликнинг назарий концепцияларини (жумладан, В. В. Виноградов, А. А. Потебня ва А. М. Пешковский гоёларини қайта талқин қилиш асосида) ҳамда бошқа тиллар (немис, инглиз, татар

тиллари) маълумотлари билан таққослаш орқали муаллиф рус тилидаги род фақат репликт тасниф эмас, балки нутқий ҳаракатларни тежаш ва ижтимоий-маданий ўзгаришлар (гендер симметрияси) каби экстралингвистик омилларга жавоб берадиган тизим эканлигини кўрсатади. Алоҳида эътибор беқарорлик зоналарига: ўзлашма ва қисқартма лексиканинг род аниқлигидаги тебранишлар, шунингдек, категориянинг тил ўйини ва метафоризация таъсирида трансформациясига қаратилган. Хулоса қилинишича, род белгиланиши нафақат номинатив ва синтактик, балки матн яратиш вазифасини ҳам бажариб, бадиий образни шакллантиришда иштирок этади.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: категория рода, русская грамматика, морфология, имя существительное, флексия, согласование, общий род, заимствования, лингвокультурология.

КАЛИТ СЎЗЛАР: род категорияси, рус грамматикаси, морфология, от, флексия, мослашув, умумий род, ўзлашмалар, лингвомаданиятшунослик.

Изучение категории рода в русском языке традиционно воспринимается как одна из наиболее простых и освоенных областей грамматики, доступная для понимания уже на начальном этапе овладения языком. Однако за внешней очевидностью деления существительных на три класса — мужской, женский и средний — скрывается глубокая теоретическая проблема, затрагивающая фундаментальные вопросы взаимодействия языка, мышления и реальности.¹ Род в русском языке представляет собой не просто набор окончаний, а сложный полевой феномен, в котором переплетаются формальные показатели, семантические мотивировки, исторические изменения и современные социокультурные тренды. Обращаясь к этой теме, следует признать, что она находится на стыке собственно морфологии, словообразования, синтаксиса (поскольку род требует обязательного согласования) и даже прагматики, когда выбор родовой формы может быть

---

¹ Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). – М., 1986. – С. 85–92.

обусловлен намерением говорящего. Как будет показано далее, категория рода в русском языке, пережив длительную эволюцию от праиндоевропейского состояния до наших дней, сохраняет высокий классификационный потенциал, но при этом демонстрирует удивительную пластичность в периферийных зонах своей системы.

Теоретическое осмысление категории рода в отечественной лингвистике прошло долгий путь от сугубо формального подхода к осознанию её двойственной природы. Один из крупнейших исследователей русского языка, чьи идеи, переформулированные в контексте современной науки, остаются актуальными, указывал на то, что форма рода у значительной части неодушевленных существительных воспринимается носителями языка как немотивированный атавизм,² своего рода грамматический пережиток прошлого. Согласно его концепции, которую мы можем интерпретировать как разграничение «естественного» и «грамматического» рода, изначальное одушевление природы постепенно уступило место чисто формальным механизмам распределения слов по классам. Другой классик, развивавший идеи психологизма в языке, связывал происхождение рода с древними мифологическими представлениями, когда предметы наделялись мужскими или женскими качествами на основе таких признаков, как активность, размер, плодородие или, напротив, пассивность и вместилищность. В этой перспективе солнце оказывалось «мужским» (активным, дающим жизнь), а земля — «женским» (принимающим семя и рождающим).³ Хотя современный носитель языка не ощущает этой символики, когда говорит «дуб» (он) и «сосна» (она), подобные архетипические ассоциации могут всплывать на уровне поэтической метафоры или бессознательных предпочтений.

Сопоставительный анализ с языками, имеющими иную структуру, позволяет высветить специфику именно русской модели рода. Как убедительно

---

² Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). – М., 1986. – С. 90.

³ Потебня А. А. Из записок по русской грамматике (в переосмыслении: концепция внутренней формы слова и мифологической мотивации рода). Цит. по: Виноградов В. В. Указ. соч. – С. 45–46.

демонстрируют данные типологических исследований, русский язык, в отличие от английского, где категория рода редуцировалась до анафорической отсылки по полу (he/she/it), сохранил полноценную трёхродовую систему с мощным морфологическим потенциалом.⁴ В отличие от немецкого, где род распределён по артиклям менее предсказуемо и часто вступает в противоречия с окончаниями, русский язык предлагает довольно чёткие фонетические маркеры: твёрдый согласный на конце указывает на мужской род, финали -а или -я — на женский, а -о или -е — на средний. Однако эта «золотая» правило работает лишь для исконной лексики, да и то не всегда, сталкиваясь с целым рядом аномалий: слово «время» с финалью -я относится к среднему роду, а «папа» с окончанием -а — к мужскому. Здесь мы наблюдаем фундаментальное различие между семантическим (лексическим) принципом и формально-грамматическим (морфологическим) принципом. В случае с одушевлёнными объектами семантика пола доминирует над формой: слово «дядя» или «юноша» закрепляется за мужским родом вопреки типично «женским» окончаниям, создавая категорию так называемых «субстантивов общего рода» (забияка, плакса, соня), которые представляют собой уникальную лакуну в системе.

Исследование этой группы слов, относимых к «общему роду», обнаруживает любопытную динамику. С одной стороны, это около двух сотен существительных, которые сами по себе не меняют форму, но вынуждают согласуемые с ними прилагательные и глаголы в прошедшем времени принимать ту или иную родовую форму в зависимости от реального биологического пола референта. Если мы говорим «Коля — большой неряха», окончание прилагательного сигнализирует о мужском поле, тогда как само слово «неряха» склоняется по женскому типу. С другой стороны, эта категория пополняется за счёт разговорной и профессиональной речи, демонстрируя потребность языка в экономии средств: вместо двух слов «неряшливый мальчик» достаточно одного слова «неряха» с вариативной

---

⁴ Русская грамматика / под ред. В. В. Лопатина. Т. 1. – М., 1980. – С. 128–130.

синтаксической сочетаемостью. Важно отметить, что данная модель не является продуктивной для новых заимствований, которые, попадая в язык, стремятся обрести чёткую родовую принадлежность.

Пожалуй, самой динамичной зоной, где категория рода проявляет себя как живой, изменчивый механизм, является освоение заимствованной лексики. Несклоняемые существительные — иноязычные по происхождению — становятся полем борьбы между семантическим принципом, формальной аналогией и языковой традицией. Основное правило гласит, что неодушевлённые несклоняемые слова тяготеют к среднему роду (кашне, кимоно, интервью). Однако здесь же возникают системные исключения, изучение которых раскрывает действие более тонких механизмов. Слово «кофе», вопреки формальной логике, сохраняет мужской род⁵ (хотя в разговорной речи фиксируется всё большее давление в сторону среднего — «кофе было горячим»). Это объясняется несколькими факторами: исторической памятью (более ранняя форма «кофей»), влиянием слова-гиперонима «напиток» (мужской род), а также, возможно, престижностью старой литературной нормы. Аналогичным образом названия ветров (сирокко, торнадо) и языков (хинди, суахили) относятся к мужскому роду по аналогии с родовым понятием. Названия животных в большинстве своём также мужского рода (пони, шимпанзе, какаду), но при акценте на самку они могут согласовываться по женскому роду («кенгуру кормила детёныша»). Эта вариативность — не дефект системы, а её адаптационный механизм, позволяющий сохранять гибкость при столкновении с новой реальностью.

Значительный интерес в рамках изучения категории рода представляют аббревиатуры. Правило определения рода сложносокращённых слов по стержневому слову расшифровки (МГУ — университет — мужской род, ООН — организация — женский род) вступает в конфликт с фонетическим обликом самой

---

⁵ Комлев Н. Г. Словарь новых иностранных слов. – М., 1995. – С. 147–149 (статья «кофе»).

аббревиатуры. Если аббревиатура оканчивается на согласный и не склоняется, она часто воспринимается как мужская, что ведёт к типичным ошибкам вроде «МИД заявил» (вместо «заявило», так как МИД — министерство, средний род). Интересно, что со временем некоторые аббревиатуры обретают способность склоняться (вуз — вуза) и переходят в разряд полнозначных слов мужского рода, полностью утрачивая связь с производящей основой. Этот процесс демонстрирует победу формального принципа (звучание + способность к флексии) над семантическим (смысл расшифровки). Язык словно стремится к упорядочиванию: любое слово, имеющее окончание, должно обрести свой класс.

Не менее показательными являются случаи так называемой «родовой валентности» или колебаний в норме. Целый ряд существительных в современном русском языке демонстрирует неустойчивость родовой принадлежности, что фиксируется словарями как допустимые варианты. Речь идёт о словах типа «тюль» (рекомендуется мужской, хотя распространён женский), «шампунь» (мужской), «мозоль» (женский), «табель» (мужской). Причина колебаний кроется в несовпадении нескольких критериев: фонетического облика (мягкий согласный не даёт чёткого сигнала), принадлежности к лексико-семантической группе (названия предметов быта часто тяготеют к женскому роду) и диалектного влияния. Изучение этих «трудных случаев» показывает, что грамматическая норма — это не застывший свод правил, а поле конкуренции, где побеждает узус.⁶ Обращение к истории слова часто оказывается ключом к пониманию современной нормы: слово «рояль» когда-то имело форму «роялия», что объясняет его женский род в просторечии, однако литературная норма закрепила мужской по аналогии с другими инструментами.

Современные тенденции развития русского языка вносят коррективы в функционирование категории рода, и прежде всего это касается сферы номинации лиц по профессии. Традиционно названия должностей, званий и профессий

---

⁶ Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. — М., 2015. — С. 12–15 (вступительная статья о колебаниях).

(директор, профессор, врач) закреплены за мужским родом. Даже когда речь идёт о женщине, сказуемое в прошедшем времени ставится в женском роде («врач пришла»), однако определение чаще остаётся в мужском («опытный врач»). Такая асимметрия создаёт зону семантической неопределённости. В ответ на социальные изменения (рост числа женщин в профессиях) язык начинает активно продуцировать феминитивы — новые слова женского рода: авторка, редакторка, психологиня. Этот процесс встречает сопротивление как со стороны лингвистической системы (не все основы легко принимают феминитивные суффиксы, некоторые слова обретают сниженную, пренебрежительную окраску), так и со стороны консервативной части общества. Однако сам факт бурного обсуждения и высокой продуктивности этой модели свидетельствует о том, что категория рода вышла за пределы чистой грамматики и стала полем лингвистической рефлексии и социальной борьбы за симметричное отражение гендера в языке.

Функционирование рода в тексте выходит за рамки простого согласования прилагательного с существительным. В художественной литературе и поэзии категория рода служит мощным источником выразительности. Метафорический перенос, при котором неодушевлённый предмет уподобляется живому существу, часто опирается именно на его родовую принадлежность. Образ смерти в русской культуре женского рода, что предопределяет её визуализацию как старухи с косой, тогда как в немецкой культуре смерть (*der Tod*) — мужского рода, старик. Весна (она) традиционно предстаёт девушкой или молодой женщиной, а ветер (он) — мужчиной. Однако писатели могут сознательно нарушать эти стереотипы, «переменяя» род в целях остранения, как это делали футуристы или представители метареализма. Такая трансформация возможна только благодаря высокой степени «овеществлённости» категории рода, её осязаемости для носителя языка.

Особого внимания заслуживает также взаимодействие категории рода с одушевлённостью-неодушевлённостью, особенно в формах винительного падежа. У существительных мужского рода второго склонения форма винительного падежа

множественного числа совпадает с родительным для одушевлённых предметов (вижу братьев, но стулья) и с именительным для неодушевлённых (вижу столы). Эта грамматическая «проверка» на жизнь/нежизнь работает только в мужском роде, но для среднего и женского родов различия менее заметны или сглажены. Однако здесь есть исключения, связанные с названиями рыб или игр, которые ломают логику: «умертвить туза» (карта воспринимается как живая), «поймать пескаря» (рыба одушевлена грамматически, даже если мертва). В этих тонкостях отражается глубина категоризации мира в языке, где род и одушевлённость взаимодействуют как две оси координат имени.⁷

Попытки приписать строгую логику распределению неодушевлённых существительных по родам (например, что женский род характеризуется протяжённостью, а мужской — дискретностью) наталкиваются на множество контрпримеров. Гораздо более убедительной представляется концепция, согласно которой род является прежде всего классификационной сеткой, навязанной языком реальности. Ребёнок, осваивая родной язык, не ищет смысл в том, почему «дом» — он, а «изба» — она. Он просто усваивает, что слово «дом» требует окончания -а в родительном падеже (дома), а слово «изба» — окончания -ы (избы), и что прилагательное меняет свою форму в зависимости от этого. Однако тот же самый ребёнок будет испытывать трудности с несклоняемыми существительными (пальто, кино) именно потому, что лишён формального сигнала, и будет вынужден ориентироваться на правила и исключения. Это доказывает, что базовый уровень категории рода — всё же морфологический, синтаксический, а не семантический.

Сравнение с языками, где категория рода отсутствует (например, тюркские языки, включая узбекский), позволяет выявить не только грамматические, но и когнитивные различия. Для носителя узбекского языка, изучающего русский, категория рода представляет собой серьёзную трудность именно из-за своей

---

⁷ Русская грамматика. Т. 1. – С. 135–137.

немотивированности и необходимости согласования. Он вынужден запоминать для каждого существительного его «класс» так же, как запоминает его написание. Это подтверждает гипотезу лингвистической относительности: грамматическая категория рода навязывает носителям русского языка необходимость классифицировать каждый предмет как «мужской», «женский» или «средний», влияя на метафорические модели и даже на ассоциативные эксперименты. Например, в психолингвистических опытах русские испытуемые чаще описывают «ключ» (м.р.) как твёрдый, тяжёлый, металлический, а «ложку» (ж.р.) — как блестящую, гладкую, удобную, что может отражать бессознательную проекцию гендерных стереотипов.

Вопрос о том, насколько оправдано сохранение столь сложной и во многом условной категории, как род, в современном русском языке, с точки зрения функциональной лингвистики решается положительно. Категория рода выполняет важную роль в устранении омонимии. Во фразе «красивый орёл» и «красивая орёл» (последнее невозможно, так как «орёл» м.р.) род исключает неоднозначность. Кроме того, род обеспечивает компактность текста за счёт анафорических местоимений: сказав «он» вместо «стол», мы экономим речевые усилия. Род также участвует в рифмовке и ритмизации поэтической речи. В коммуникативном плане неправильное употребление рода (ошибка в роде слова «тюль») служит маркером недостаточной языковой компетенции или принадлежности к определённой социальной группе (например, профессиональные военные могут упорно использовать «китель» как ж.р. или «погон» как м.р.).

Анализ теоретических концепций известных лингвистов, таких как Р. О. Якобсон, обращавший внимание на маркированность членов категории, позволяет глубже понять внутреннее устройство рода. В его интерпретации женский род часто выступает как маркированный (специализированный) член по отношению к немаркированному мужскому. Например, слово «поэт» может обозначать и мужчину, и женщину (в значении «творческая личность»), тогда как «поэтесса»

сужает значение до указания на пол. Эта асимметрия — универсальное свойство многих языков, отражающее андроцентричность культуры. Однако в русском языке есть и контрпримеры, где маркированным оказывается мужской род («лев» — «львица», но «лев» может выступать как родовое понятие). Современные тенденции, описанные выше, направлены на преодоление этой асимметрии путём создания симметричных феминитивов, что является показателем того, что грамматика чутко реагирует на социальные запросы.⁸

Обратимся к материалу конкретных лингвистических описаний. В одном из исследований приводится пример существительного «визави». Это слово относится к общему роду, и его род определяется исключительно контекстом и полом референта: «мой визави» (если речь о мужчине) и «моя визави» (если о женщине). Такие слова представляют собой вершину абстракции рода: форма не меняется вообще, а родовая принадлежность «вычисляется» по актантам. Другой показательный случай — это слова, обозначающие животных, где родовые пары отсутствуют или образуются от разных основ. Слово «белка» — женского рода, и если нам нужно указать на самца, мы говорим «самец белки» или прибегаем к описательным конструкциям, хотя в разговорной речи возможно образование «белк» (м.р.), но оно не является нормативным. Лакунарность родовых пар указывает на то, что категория рода не является чисто семантической: для языка важнее формальная отнесённость к классу, чем точное указание на пол.

При рассмотрении исторических изменений нельзя обойти вниманием процесс утраты звательного падежа и его влияние на родовую систему. В древнерусском языке звательные формы (сынъ — сыну!) косвенно подчёркивали принадлежность к классу, но после их исчезновения основная нагрузка по различению родов перешла на систему склонения и окончания прилагательных. Это усилило значимость флексий именительного падежа единственного числа как главного маркера рода.

---

⁸ Якобсон Р. О. Избранные работы (в переосмыслении: теория маркированности). Цит. по: Клобуков Е. В. Указ. соч. – С. 95–97.

Именно поэтому заимствования, не укладывающиеся в прокрустово ложе русских флексий, вызывают такие сложности. Язык пытается «одомашнить» их, придавая окончания («виски» превращается в «вискарь» мужского рода) или же оставляя их в классе среднего рода как наиболее «нейтральном» и «безликом» по своему грамматическому значению (не случайно слово «пальто» ср.р., а не м.р. или ж.р.).

В заключение следует подчеркнуть, что категория рода в русском языке представляет собой сложный, многоуровневый и семиотически нагруженный феномен. Она сочетает в себе черты словоклассифицирующей системы (для существительных) и словоизменительной (для прилагательных и глаголов в прошедшем времени). Несмотря на свою архаичность и элементы иррациональности, род демонстрирует высокую адаптивность: он успешно осваивает новые заимствования, реагирует на социальные изменения (феминитивы) и служит богатым источником выразительности в литературе и искусстве. Зоны нестабильности (колебания рода у несклоняемых существительных, варианты окончаний в именительном падеже множественного числа типа «профессора/профессоры») — это не признак деградации системы, а её внутренние ресурсы для эволюции. Отказ от категории рода в пользу аналитического строя русскому языку не грозит, поскольку флексия и согласование составляют его типологическую основу. Однако внутри этой прочной системы будут продолжаться процессы перегруппировки, уточнения нормы и поиска баланса между формальной логикой, семантическим удобством и социальной релевантностью. Именно это напряжение между стабильностью ядра и изменчивостью периферии делает категорию рода в русском языке одним из самых захватывающих объектов для лингвистического исследования.

Список использованной литературы

1. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). – М.: Высшая школа, 1986. [Переосмысление концепции о разграничении грамматического и «естественного» рода, анализ категории как системы форм].

2. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. – М.: Языки славянской культуры, 2001. [Анализ согласования как основного способа выражения рода, наблюдения над «общим родом»].
3. Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. – М.: АСТ-Пресс, 2015. [Фундаментальная кодификация родовой принадлежности, учет колебаний и вариантов].
4. Клобуков Е. В. Семантика падежных форм в современном русском языке. – М.: МГУ, 1986. [Теоретическое осмысление взаимодействия рода с падежной и одушевленной семантикой].
5. Комлев Н. Г. Словарь новых иностранных слов (с переводом, этимологией и толкованием). – М.: МГУ, 1995. [Анализ процессов адаптации заимствований в категории рода].
6. Лопатин В. В. (ред.). Русская грамматика. В 2 т. – М.: Наука, 1980. [Академическое описание системы рода, включая правила для аббревиатур и неизменяемых существительных].